

ПОЛИТИКА

А.В.Ситников

ПРАВОСЛАВИЕ И ДЕМОКРАТИЯ К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ РОССИИ

Успешность демократического транзита связана не только с институциональными изменениями, но и с адаптацией демократических ценностей к политической культуре и политическому сознанию народа. Представления о власти формируются под воздействием многих факторов, в том числе и тех, которые обусловлены религиозным мировоззрением. Согласно данным проводившихся в середине 1990-х годов исследований, православные христиане в большинстве по своему мировосприятию ближе всех к демократам-западникам. На демократическую государственность среди них ориентируется 42%. Тяготение большинства православных к демократическому политическому полюсу проявляется в их взглядах на частную собственность (почти половина считает умение жить и работать при ее наличии условием выхода страны из кризиса), на взаимоотношения государства с обществом и человеком, а также в их восприятии Запада: 80% из них предпочли бы, чтобы Россия развивалась в соответствии с теми или иными западными моделями¹. Среди представителей этой группы больше всего процент людей, считающих, что Россия должна стать частью западного мира. Выделяются православные христиане и тем, что среди них самая большая (60%) доля тех, кто считает, что в странах Запада люди более уважительно, чем в России, относятся друг к другу, что там выше культура взаимоотношений.

При этом в России сегодня существуют достаточно малочисленные группы православной общественности, которые пытаются реанимировать монархическую концепцию власти, присущую средневековому мировоззрению. В некоторых изданиях православной публицистики о демократии пишут как об ущербном строе, а преимущества монархии считаются вполне очевидными. Монархия предстает как такое политическое устройство, которое позволит возродить сильную государственность, сохранить российскую национальную культуру, духовно-нравственные ценности, самоуважение граждан и гордость за свое Отечество.

Примечательна в этом плане инициатива некоторых православных общественных организаций по проведению «всенародных исповедей», которые носят сугубо политический характер и вклю-

¹ Кутковец Т.И.,
Клячкин И.М.
Русские идеи //
Полис. № 2. 1997.
С. 118–141.

² Опубликован: *От покаяния к воскресению России*. СПб., 2004. С. 75.

³ Там же.

чают «всенародное покаяние» в отступлении от «учения о Помазаннике Божиим», покаяние в «измене царскому роду»² и т. п. Религиозным грехом объявляется «враждебное отношение к святорусскому самодержавию» и к утверждениям, что «Православный Помазанник есть священное лицо и внешний епископ и верховный защитник святой Церкви, хранитель и блюститель догматов, правотверия и благочиния ее», а «закон о престолонаследии, утвержденный благочестивейшим Императором Царем-Мучеником Павлом I, действует по прямому наследству царского рода и установлен Самим Богом»³. Весьма показательно, что аргументация сторонников возврата монархической формы правления носит богословский характер и сводится к тому, что самодержавная монархия является богоустановленной формой государственной власти. Политические взгляды монархистов можно легко объяснить их религиозными убеждениями: демократия, плюрализм, светский характер общества не совпадают с историческим опытом Православной церкви, с ее исторически сложившимся отношением к миру и обусловленными этим ожиданиями. Но является ли эта связь православия и монархических идеалов нерушимой? Обусловлена ли она самой сущностью христианства, главным его содержанием? Или монархизм – это всего лишь особенности русской версии православия? Почему же тогда большинство православных христиан по своему мировосприятию ближе всех к демократам-западникам?

I

В различные культурные периоды, на различных этапах своей истории человек по-разному себя осознавал, имел неодинаковый менталитет. Самое элементарное сопоставление исторических фактов, событий социальной, политической и интеллектуальной жизни человечества приводит к выводу, что специфика психической жизни людей, представляющих ту или иную эпоху или культуру, весьма своеобразны и нетождественны. Социальные установки человека другой эпохи, самосознание, способ мышления, склад ума, многообразные психические свойства и качества не всегда были одними и теми же.

Очевидно, что образ мира средневековых людей существенно иной чем сегодня. Менталитет человека в XI веке и в XXI веке очень сильно отличаются. И разница не только в представлениях об истине и красоте, целях жизни, в мотивации наших поступков, то есть в том, что мы осознаем. Для каждой эпохи характерна своя определенная психологическая основа, позволяющая людям воспринимать и оценивать окружающую социальную реальность, понимать друг друга и действовать в соответствии с устоявшимися в обществе нормами и образцами. Менталитет не имеет характер продуманной системы, это то, что самими представителями эпохи не осознается, но воспри-

нимается как некая очевидность. Это неосознанное образование, которое во многом определяет поступки индивида, его социальное поведение, психические реакции, возникающие в сознании умственные образы, жизненную практику и т. д. Менталитет формируется и трансформируется под влиянием множества факторов. К ним, в частности, можно отнести темп и ритм жизни, объем ежедневно получаемой информации, характер деятельности, интенсивность контактов с людьми и многое другое.

Для большинства людей в эпоху средневековья горизонт ограничивался крошкой соседнего леса. Реальностью был христианский мир. Иноверцы если кому-то и встречались, то весьма нечасто. По сравнению с сегодняшним днем мир был замкнутым и закрытым. Человек с рождения принадлежал одной определенной традиции, которая не оставляла особого пространства для выбора мировоззрения. Особенности структуры и логики мышления, восприятие времени и пространства, способ видения и структурирования мира, своеобразное рассмотрение частей и целого, их взаимосвязи – все это у людей средних веков определялось религиозным образом мира, который не только был задан, но и воплощался во всей общественной практике. Не существовало перегородок между земным и небесным. Было нормой то, что мир раскрыт вверх, в сторону неба. Человек понимался как образ Божий, а его предназначением виделось достижение состояния «обожения». Многочисленные тексты святоотеческой литературы являют духовные и нравственные идеалы, осуществление которых в то время было вполне реально. В средневековой картине мира место и ценность любой вещи определяются ее близостью или удаленностью от Бога. Пространство было иерархически выстроено, не существовало этически и онтологически нейтральных предметов, точек или направлений движения. Деятельность человека была преимущественно направлена на проникновение в трансцендентные «причины» мироздания. Производство и потребление материальных благ зачастую рассматривалось как нечто несущественное, как то, что не определяет жизнь человека.

Средневековые социальные, экономические и политические структуры (включающие и монархический строй) просуществовали достаточно долго и были вполне жизнеспособны. Постепенно они вытеснялись более действенными капиталистическими отношениями. Средневековая цивилизация, в конечном счете, погибла от разрушительного воздействия капиталистической силы. Капитализм оказался эффективней в экономическом и социальном плане.

II

Современные постиндустриальные производственные структуры – это самоорганизующиеся системы, предоставляющие своим

членам дополнительные возможности и свободы. Работники компаний – не просто источники физической энергии и придатки машин и механизмов, а прежде всего творческие личности. Наиболее эффективными оказываются те корпорации, которые имеют главным источником развития творческий потенциал своих сотрудников. Наиболее полно использовать потенциал работников позволяет переход от централизованного управления к модульной организации труда. Деятельность высококвалифицированных специалистов обнаруживает достаточную способность к самоорганизации, автономности и самостоятельности. Руководство современной компанией предполагает переход от традиционного иерархического управления, от вертикальной системы подчинения к горизонтальной организации труда. Исследователи отмечают, что для управления работниками современной корпорации используются принципы, кардинально противоположные применявшимся прежде: «Корпорация, ранее представляющая собой вертикальную структуру, становится совокупностью коллективов, каждый из которых является фактически завершённой организацией со своими целями, ценностями, мотивами и лидерами, коллективов, внутри которых невозможен иерархический принцип управления. Это в свою очередь неминуемо приводит к тому, что использование жесткой вертикальной структуры становится невозможным и в корпорации в целом»⁴. Самоуправляющаяся ассоциация оказывается наиболее эффективной формой производственной деятельности, которая дает возможность незамедлительно реагировать на быстро меняющиеся внешние условия, что, как показывает опыт, совершенно невозможно для иерархической системы.

⁴ Иноземцев В.Л. *За пределами экономического общества*. М., 1998. С. 269.

Современное общество обычно характеризуется как информационное, в котором создание, использование и распространение информации становится системообразующим фактором, детерминирующим экономические и социальные отношения. Информационная реальность имеет множество измерений, которые очевидным образом влияют на психологию человека и современную культуру. Начало XXI века – невиданное сближение и смешение наций, народов, культур, ослабление традиционных границ. Глобализация делает все более проблематичным сохранение национального, регионального и культурного своеобразия. В условиях все возрастающей взаимозависимости стран и регионов мира никто не может отгородиться от других народов, религий и культур, пресечь свободно идущие информационные потоки. Ни одна страна не может оставаться в изоляции от мировых СМИ. Для человека XXI века характерно не только невиданное расширение объемов информации, но и изменение способов ее восприятия, которые протекают на повышенных скоростях. Например, продукция СМИ – это бесконечная смена мест, времен, событий, комментариев и т. п.

Современный человек гораздо более чем древний склонен жить в виртуальном мире – к этому его приучают компьютерные техноло-

⁵ См. об этом: *Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М., 2004. С. 4.*

гии, телевидение, кино, художественная литература и т. п. Одним из важнейших факторов, трансформирующих сознание людей, является Интернет⁵. В нем представлено все, что происходит в реальной жизни, а также протекает и своя особая виртуальная жизнь. Особенность Интернета в том, что он позволяет пользователю не только оставаться пассивным реципиентом, но и активно участвовать в создании информационного пространства. Люди могут преодолевать географическую разделенность, формировать устойчивые группы единомышленников, своего рода виртуальные сообщества. Становление глобального информационного общества, безусловно, увеличивает степень индивидуальной свободы, расширяет возможности выбора и сопоставления разных точек зрения по любому вопросу. Широкое распространение информационных технологий дает людям больше возможностей для общественной дискуссии и обсуждения. Независимо от того, в какой части мира человек находится, он уже совсем иначе воспринимает мир, общество, историю, политический процесс, чем это делали предшествующие поколения. Индивиды рассматривают себя как свободно действующих и думающих граждан, являющихся одновременно членами множества различных общностей.

Само бытие личности обретает новые измерения – она существует, прежде всего, в информационном поле. Происходит своего рода вытеснение реального человека его репутацией, которая воспринимается как сущность личности. Для разного рода руководителей и политических деятелей репутация творится специалистами по информационной работе. Речь идет не об истинных свойствах субъекта или объекта информационного поля, а о свойствах, искусственно созданных и приписываемых ему мнением группы людей. Имидж и репутация формируются специалистами по PR не только для компаний, организаций, конкретных публичных деятелей, но и для социальных статусов – экономических, политических и профессиональных, присущих любому объекту информационного пространства. Таким образом, в информационном обществе сущность человека – это его репутация, которая является экономически вполне просчитываемой категорией, а человеческая жизнь воспринимается как некий бизнес-проект, содержание которого – формирование, развитие и продвижение своего «бренда» на глобальном рынке.

В основе глобализации лежит непрекращающийся цикл разрушения старых, менее продуктивных производств и услуг и приход на смену им новых, более действенных. С каждым годом все быстрее происходят нововведения, которые кардинально трансформируют производство. Благодаря этим технологическим скачкам самое, казалось бы, современное изобретение устаревает с пугающей скоростью. Глобальный рынок безжалостно истребляет неэффективные компании и организации. Люди вынуждены жить в постоянной неопределенности, постоянном риске, все время оглядываться по сторо-

нам и следить за тем, не создал ли кто-нибудь нечто новое, могущее оказаться более эффективным, что вытеснит их из занятой ниши. Т.Фридмен сравнивает глобализацию со спринтом на 100 метров, повторяющимся снова и снова. И не важно, как много раз человек выходил победителем, на следующий день у него снова забег, и если он проиграет всего на сотую долю секунды, то это все равно, как если бы он проигрывал всегда⁶.

⁶ Фридмен Т.
*Lexus и олива. По-
нимающая глобализа-
цию.* СПб., 2003.
С. 32.

III

Вслед за кардинальными преобразованиями в экономической, технологической и информационной сферах модернизируется и социальная сфера в целом. Изменившиеся реалии социальной жизни, возникшая информационная культура во многом определяют политическую систему.

Наиболее соответствующий современному обществу политический режим – это либеральная демократия. Отметим, что критика демократии со стороны ее противников часто возникала из-за того, что представления о демократии были совершенно неверные и устаревшие. Слово демократия происходит от греческих *δημος* и *κρατία* и буквально означает власть народа, народовластие. Возникла она в Древней Греции и имела ряд особенностей. Античная демократия была прямой: каждый свободный гражданин принимал активное участие в обсуждении общественных дел, каждый мог быть избран для отправления любой общественной должности. Участвовавшие в собрании граждане древнегреческих полисов непосредственно одобряли законы и принимали политические решения. Суд также производился всенародно. Это было возможно, поскольку число граждан было относительно небольшим. Другим источником, из которого выросла современная демократия, является республиканская традиция Рима с его системой консулов, Сенатом и народными трибунами. Подчеркивая фундаментальную роль гражданских добродетелей, республиканская доктрина видела назначение политической системы в том, чтобы обеспечить людям участие в управлении.

Очевидно, что античная демократия имеет очень мало общего с тем, что понимается под демократией сегодня. Перенос идеи демократии с города-государства на нацию-государство стал возможным благодаря введению практики представительства. Собрание граждан, типичное для прямой демократии античности, сменили представители – избранники народа, выступающие от его имени. Первоначально представительство не имело ничего общего с демократическими принципами и существовало как один из институтов средневекового монархического и аристократического правления. Привнесение принципа представительства серьезным образом

трансформировало понимание демократии, внося в него совсем другое содержание.

Сегодня существует несколько различных теорий демократии. Одна из наиболее распространенных – это элитистская теория. Она берет свое начало от Йозефа Шумпетера (1883–1950), который в 30–40-х годах XX века осуществил радикальную ревизию понимания демократии⁷. Он предложил не отождествлять понятие демократии с народоправием и изгнать из демократической теории такие идеи XVIII века как «воля народа», «общее благо» и т. п. Шумпетер называл свою трактовку «более реалистичной» и суть ее видел в том, что демократия – это, прежде всего, «правительство, одобряемое народом». В дальнейшем вклад в элитистскую теорию демократии внесли Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс. Они считали, что любой режим, демократический или какой-либо иной, не может функционировать без решающей роли элиты, господствующего класса. Политический процесс всегда организуется как элитарный. Демократия в смысле прямого народоправия никогда не может быть осуществима, поскольку функционирование любой политической системы приводит к формированию жесткой иерархической структуры. Даже если та или иная группа лидеров провозглашает своей целью демократию, борьбу с неравенством и защиту интересов всего общества, то она неизбежно воспроизводит жесткую авторитарную структуру, которая приспособлена в первую очередь для отстаивания своих собственных интересов. Эта тенденция лежит в сущности политической борьбы и в сущности любых организаций. Во всех современных демократиях процесс повседневного контроля над государством хорошо защищен от влияния масс⁸.

Демократические общества отличаются от недемократических в основном тем способом, с помощью которого элита обретает и обосновывает свою власть. Государственное устройство может считаться демократическим, если регулярно проводятся конкурентные выборы. Можно сказать, что политическая система какого-либо государства является демократической в той мере, в какой лица, наделенные высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путем периодических выборов, в ходе которых кандидаты соревнуются за голоса избирателей (а голосовать имеет право практически все взрослое население). Отсюда принципиальным для демократии оказывается наличие гражданских и политических свобод слова, печати, собраний и организаций – всего, что необходимо для политических дебатов и избирательных компаний. Ю. Хабермас подчеркивал, что общественная сфера демократического общества представляет собой зону дискурса, служащую местом исследования идей и кристаллизации общественного мнения. Она должна быть свободна от каких-либо ограничений и обеспечивать доступ к информации, достаточный для рационального дискурса и поиска благоприятных общих норм⁹.

⁷ См. об этом: Schumpeter J. A. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper, 1947.

⁸ Пиеворский А. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в восточной Европе и латиноамериканской Америке*. М., 2000. С. 32.

⁹ Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, trans. Thomas Burger. Cambridge, Mass., 1989.

Благодаря процедуре отбора политических лидеров обеспечивается эффективность демократической системы правления. В этом смысл принципа состязательности элит в процессе обретения политической власти. Предполагается наличие в обществе высококвалифицированного высшего класса, обладающего терпимостью к различиям во мнениях и ориентированного на конкуренцию за должности и влияние. К принятию политических решений допускаются люди, которые победили в борьбе за голоса избирателей. Элита располагает всей полнотой власти, но в условиях демократии состав элиты подвергается постоянной ротации, и сама элита открыта переменам и, главное, позволяет своим представителям опробовать свои силы в избирательной борьбе и, возможно, прийти к власти.

В условиях демократии элита имеет открытый характер, подвержена постоянной смене. Элиты в традиционном обществе носили закрытый (аристократический) характер и соответственно их обновление проходило через наследование. Демократический режим обеспечивает более оптимальное управление, поскольку обладает лучшим механизмом обновления правящей элиты. Демократический механизм воспроизводства элиты, постоянно совершенствуя ее качественное содержание, исключает стагнацию, упадок и деградацию элит.

Критика демократии со стороны русских идеологов монархического правления XIX века во многом устарела, поскольку была направлена на то понимание демократии, от которого современная политическая теория давно отказалась. В частности, К.П.Победоносцев считал, что идеал демократии – «привлечь к управлению народным делом весь народ и голос каждого в особенности»¹⁰. Поскольку, по справедливому утверждению Победоносцева, эти идеалы невозможно осуществить, то в этом явно проступает лживость и утопичность демократов: «Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной... В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, изъявляет непосредственно свою волю и приводит ее в действие»¹¹. К.П.Победоносцев обоснованно полагает, что это утопия и народ в любом случае будет отдавать свое право властительства некоторому числу выборных людей и облекать их правительственной автономией. Как уже отмечалось выше, со стороны западных теоретиков, разрабатывающих концепции демократической формы правления, звучала точно такая же критика и даже в еще более жесткой форме. Рассуждения о «народной воле» и «общем благе» и т. п. в XX веке были полностью изгнаны из политической науки.

Обвинения в адрес демократии звучали также со стороны И.А.Ильина. Русский философ, критикуя понимание демократии XVIII–XIX веков, в действительности предвосхищает и обосновывает

¹⁰ Победоносцев К.П. *Великая ложь нашего времени*. М., 2004. С. 200.

¹¹ Победоносцев К.П. *Указ. соч.* М., 2004. С. 437–438.

вает то, что стало общепринятым в современной политической науке: «Править государством должны именно лучшие, а они нередко выходят из государственно воспитанных и через поколения образованных слоев народа. Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (т. е. выделяет кверху лучших людей), а аристократия не вырождается и не вредит государству именно постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно лучшие силы народа»¹².

¹² Ильин И.
Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1951 годов. М., 1992.
Т. 1. С. 128.

IV

Отличие демократических режимов от недемократических заключается не только в принципах рекрутирования господствующего класса, его внутренней организации, методах осуществлении власти, но и в «политической формуле», которая представляет собой абстрактный принцип оправдания власти¹³. Важнейшее условие сохранения власти элитой – это своевременное обновление «политической формулы». Традиционным обществам было присуще религиозное обоснование социальной действительности. Современным плюралистическим светским обществам свойственна рационально-правовая форма легитимации власти, при которой люди следуют обезличенным правилам, нормам и принципам. По верному наблюдению Карла Шмитта, в XIX веке развитие теории государства обнаруживает два характерных момента: устранение всех теистических и трансцендентных представлений и связанное с этим образование нового понятия легитимности. Традиционное, укорененное в религиозном мировоззрении, понятие легитимности явно утрачивает всякую очевидность¹⁴.

Запаздывание, устаревание «политической формулы» чревато для правящего класса потерей власти. Это, в частности, было причиной многих революций. Французская революция произошла, когда значительная часть французов перестало верить в божественные права королей. Русская революция 1917 года наступила, когда фактически вся интеллигенция, а также большинство русских рабочих, перестали верить в то, что царь получил право самодержавно управлять страной от Бога.

Между феноменом религии и «политической формулой», обособывающей власть, имеется вполне определенная связь. В течение веков религия формировала у подавляющей части общества духовные и моральные нормы, определенные взгляды на природу человека, а также, что более существенно, задавала предельные критерии, с точки зрения которых понимались и оценивались политические процессы, обеспечивалась легитимация власти. Мир был христианский, и источник власти возводился к Богу. Это было возможно, поскольку средневековое общество было однородным в религиозном

¹³ Albertoni E.A.
Mosca and the Theory of Elitism / Transl. by Goodrick P. – Oxford, 1987.
P. 23.

¹⁴ Шмитт К.
Политическая теология. Сб. М., 2000. С. 77.

отношении, а церковь занимала в нем особое положение. Все это в прошлом. Традиционное, укорененное в религиозном мировоззрении, понятие легитимности утратило всякую очевидность. Нет оснований надеяться на возникновение такого общества, которое будет состоять из одних только христиан – уже нет тех исторических условий, которые однажды породили такой мир и поддерживали его существование. Появление чего-то подобного в будущем может быть основано только на принципах тоталитаризма, что для христианства неприемлемо.

V

С точки зрения христианского богословия, вопрос формы правления не относится к области вероучения. Содержанием догматических истин является учение о Боге и то, что принципиально важно для спасения человека. Вопросы политического устройства, как несущественные для спасения, могут решаться самым различным образом. Церковь может существовать при любом государственном строе. Неверно утверждать о «неизменной и уникальной приемлемости для православных христиан того или иного государственного строя». В официальных церковных документах всегда говорится о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин»¹⁵. Политическая позиция церкви всегда основывалась на лояльности к существующей власти: апостолы признавали римскую власть, даже когда она им была враждебна, и рекомендовали выполнять ее требования.

Западная христианская мысль давно пошла по пути установления связей, поиска определенных корреляций между христианством и демократией. Богословами подчеркивается, что современная демократия возникла на основе христианских ценностей, и Церковь сыграла большую роль в развитии европейских демократических институтов. Наиболее энергично современная демократия развивалась в первую очередь в протестантских странах. Протестантизм и демократия были исторически тесно связаны друг с другом. В протестантизме на почве доктрины естественного права впервые формулируется учение о неотчуждаемых правах личности. Естественно-правовая доктрина выступала с напоминанием о неотчуждаемых правах, о договоре, заключенном личностью с государством, о народном суверенитете, которому должно принадлежать решающее значение. Близость между Реформацией и демократическими идеями выражалась и в том, что церковная иерархия либо заменялась выборностью церковных властей, либо же вообще отрицалась. Лютер утверждает значимость лишь Писания и отказывается признать традиционную роль церковной иерархии, поскольку, по его учению, спасение и искушение не требует никаких посредников и институ-

¹⁵ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Юбилейный Архиерейский Собор Русской православной Церкви. Материалы. М.: Издательский совет Московского патриархата, 2001. С. 343.

тов. «Посвящение епископа, – пишет Лютер, – равнозначно тому, как если бы он в месте, где собралось множество людей, избрал одного из толпы, в которой все обладают равной властью, и поручил бы ему осуществлять эту самую власть над другими... Миряне, священники, князья, епископы, или как они выражаются, духовные и светские лица – в действительности не имеют никаких других существенных различий, кроме службы и занятия»¹⁶. В протестантских странах первыми получили распространение нормы и ценности плюрализма, терпимости, признания демократических прав и свобод, что способствовало становлению демократии.

Католики долго не могли согласиться с тем, что идеи свободы, равенства и братства близки христианскому взгляду на общество, и отказывались принимать то воплощение этих лозунгов, которое было реализовано в ходе Великой французской революции. Католические традиционалисты на протяжении всего XIX века тяготели к теократии, строили социальные принципы, отрицая теории общественного договора и выступая против демократии и индивидуализма.

Однако после II Ватиканского собора католическая церковь стала положительно оценивать демократию, подчеркивая при этом, что самые прекрасные в мире проекты ничего бы не стоили, если бы их не вдохновлял и не поддерживал христианский дух. «Церковь положительно оценивает демократическую систему в той мере, в какой она обеспечивает участие граждан в политическом выборе и гарантирует гражданам как возможность избирать и контролировать своих правителей, так и смещать их мирным путем, когда это представляется уместным»¹⁷. С.Хантингтон отмечает, что благодаря позиции II Ватиканского собора по ряду важнейших общественных вопросов «третья волна» демократизации 1970–1990-х гг. произошла в значительной степени в католических странах (Португалия, Испания, Латинская Америка, Польша, Венгрия)¹⁸.

VI

Многие ученые, занимающиеся изучением современных политических режимов, соглашаются с тем, что сама идея демократии как социального и правового порядка стала осуществимой на базе христианских ценностей. Античная демократия была тесным образом связана с признанием естественного неравенства людей; считалось, что различия статусов неустранимы: женщины, иностранцы и рабы не могут быть равны гражданам полиса. Отличие сегодняшней демократии от античной в утверждении равенства политических прав. Современное демократическое общество – это общество, где уважается равенство всех его членов, и где каждому гарантируется свобода. Никто не обладает естественным правом управлять други-

¹⁶ Лютер М. *Время молчания прошло. Избранные произведения 1520–1526 гг.* Харьков, 1994. С. 15.

¹⁷ Иоанн Павел II. *Мысли о земном.* М., 1992. С. 159.

¹⁸ Подробнее см.: Хантингтон С. *Третья волна. Демократизация в конце XX века.* М., 2003. С. 85–91.

ми или пользоваться особыми свободами. Эти параметры политической культуры были заданы особым пониманием природы человека в христианстве. Как пишет Р.Даль, исторически идея равенства стала особенно влиятельной в Европе и англоязычных странах благодаря христианской доктрине, что люди сотворены Богом и в равной степени дети Божьи¹⁹. Христианство заложило нравственные основы современной демократии, наделив индивидуумов единым моральным статусом сынов Божьих. Со временем этот статус трансформировался в общественный статус. Данная логика очень наглядно проиступает в рассуждениях Джона Локка: «Все люди равны и независимы, ибо все люди созданы одним всемогущим и бесконечно мудрым Творцом; все они – слуги одного верховного Владыки, посланы в мир по его приказу и по его делу; они являются собственностью того, кто их сотворил... Мы не можем предполагать, что среди нас существует такое подчинение, которое дает нам право уничтожать друг друга, как если бы мы были созданы для использования одним другим, подобно тому как низшие породы существ созданы для нас»²⁰.

Западные политические режимы являются не просто демократическими, но именно либерально-демократическими, они были порождены признанием фундаментальных принципов либерализма. Имеется немало примеров нелиберальных демократий, характерных для нехристианского мира. В частности, можно указать на политический режим в Иране. Иранский парламент избирается вполне демократически и свободно, но устанавливает жесткие ограничения на свободу слова, собраний и даже одежды. Исследователи отмечают, что во многих странах исламского мира от Палестинской автономии до Пакистана демократические выборы нередко завершались установлением режимов совсем нелиберальных²¹.

По мнению Ю.Хабермаса, благодаря христианству в современном западном обществе сложился особый «мягкий» тип религиозности, который, во-первых, принимает принцип свободы совести, во-вторых, признает авторитет различных наук и их общественную монополию на мирское знание. В-третьих, западное христианство соглашается с демократическим типом легитимации власти и вполне встроилось в основанное на светской этике конституционное государство²². К примеру, ислам не может безболезненно принять эти пункты по внутренним причинам. Религиозная сфера в исламе, в частности, мусульманское право, усваивает себе тотальную функцию – регулировать все имеющиеся в мусульманской общине отношения. Умма является одновременно и религиозной и политической общиной, ей чужда христианская дихотомия церкви и государства, светского и религиозного. Поэтому мусульмане, в особенности арабы, ассимилируются на Западе намного труднее всех других иммигрантских сообществ. Ислам для них – главный элемент их культурной идентичности. Вряд ли оправданы надежды на то, что мусульманская религия сможет найти в своем вероучении ресурсы,

¹⁹ Даль Р. Демократия и ее критики. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. С. 127.

²⁰ Локк Дж. Соч.: В 3 т. М., 1998. Т. 3. С. 265.

²¹ Закария Фарид. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. № 2 (42). 2004. С. 55–66.

²² Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 119–125.

²³ Мехди Саади.
Мусульманское
право и политика.
М., 2004. С. 86.

позволяющие приспособиться к требованиям светскости. Для реализации большинства своих установок ислам нуждается во власти²³. Для последователей ислама единственное спасение от любых пороков социума – это стопроцентный ислам, установление исламского государства.

На Западе демократия неразрывно связана защитой основных свобод: слова, собраний, религии, собственности. Теоретически и исторически данная совокупность свобод не следует из демократических принципов, но имеет совершенно иной исток – конституционный либерализм. И до XX века отличительным признаком стран Европы и Северной Америки была не демократия, а конституционный либерализм. Либеральная традиция зародилась в лоне христианской культуры, и в ее основе лежит переживание уникальности человеческой личности как абсолютной ценности, что было заложено именно евангельской оценкой человека. Согласно ей человек не может быть для другого человека орудием, средством достижения какой-либо цели. Каждый должен достичь своей цели только как личность в соответствии со своим призванием.

Возникновение теории прав человека также самым тесным образом связано с христианством. Под его влиянием были выработаны многие фундаментальные понятия современной правовой культуры. Церковь изначально утверждала, что религиозная жизнь граждан не должна насильственно регламентироваться государством. На это указывают даже евангельские наставления Иисуса, часто обусловленные словами: «Если хочешь». Данное выражение свидетельствует об уважении к человеческой воле в области религиозных убеждений. Христианство всегда утверждало, что поскольку государство не выражает абсолютные устремления человека, имеются права, стоящие выше интересов государства, наличие которых вытекает из самой природы человека, и которые государство должно уважать. Светская власть ограничена в своем вторжении в ту область бытия, где речь идет о религиозных правах граждан. Это ограничение распространяется и на другие частные сферы бытия.

Конечно, говоря о роли христианства в создании и становлении либеральной традиции, нельзя не отметить, что либерализм всегда вызывал критику со стороны церквей, поскольку христианская концепция свободы во многом противостоит либеральной. Свобода сама по себе в христианстве оказывается не высшей ценностью, но дается человеку, чтобы он смог достичь высшего, прийти к истине, к свободной самоотдаче в любви. Выше идеи личной свободы всегда стоят ценности и заповеди христианской морали. Либерализм придает первостепенное значение тому, что в христианстве играет вспомогательную роль, служит средством достижения высшего блага. Тем не менее, выработанные христианством нравственные принципы по-прежнему составляют фундамент европейского гражданского общества, а «различия проводимые между государством и обществом,

²⁴ Зидентон Л.
Демократия в Европе. М., 2004.
С. 261, 237.

общественной и частными сферами, конформизмом и нравственным поведением сами по себе являются производными от основных положений христианства»²⁴.

Стабильное демократическое устройство базируется на развитии гражданского общества, которое чаще всего понимается как сфера, характеризующаяся спонтанным самоуправлением индивидов, добровольно сформировавшимися ассоциациями граждан, защищенными от прямого вмешательства органов государственной власти. Гражданское общество гарантирует от преобладания одной из групп, от возникновения антидемократических движений. Одновременно оно выступает в роли выразителя интересов граждан и средством их воздействия на принятие политических решений.

Одной из важнейших составляющих понятия гражданского общества является плюрализм. Предполагается, что различные, порой несовместимые концепции блага и образы мира сосуществуют бесконфликтно, а значительное количество социальных групп и организаций сравнительно автономны как в отношении друг с другом, так и с правительством. Плюрализм может возводиться к христианству, поскольку оно не несет в себе претензий на тотальное политическое влияние, и эта нетотальность скрыта в видении человеческой природы, в утверждении свободы воли, допускающей вероятность падений²⁵. Отождествляемая с плюрализмом социально-политическая организация западного общества вытекает из христианства, так как оно является по сути плюралистической религией, а идея свободы играет ключевую роль в христианском мировоззрении. Нетотальность христианства скрыта в видении человеческой природы, в утверждении свободы воли, допускающей вероятность падений.

²⁵ Подробнее об этом см.:
Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления. М., 1997. С. 148–152, 176–177.

VII

На российскую политическую культуру оказали влияние многие факторы. Православие, несомненно, наложило отпечаток на особенности российской политической культуры, но его влияние было не главным. Решающим оказалось воздействие других факторов. Прежде всего, это география и природно-климатические условия. На их значимость обращали внимание такие разные авторы как И.А.Ильин, П.Милюков, Р.Пайпса.

Россия – самая большая и холодная страна в мире. Климат существенным образом затруднял всякое земледелие и хозяйственную деятельность, оказывая заметное влияние на цивилизационное и социокультурное бытие, в частности, на формы хозяйствования и отношения между людьми. Доминирование коллективных форм социальной жизни (община) было обусловлено природными и хозяйственно-экономическими причинами. К общинному коллективизму во многом восходят характерные для российского социума ценности

коммунитаризма и приоритет групповой справедливости перед индивидуальной свободой.

Географический и природно-климатический факторы неизбежно накладывали отпечаток и на характер власти, которая была вынуждена заботиться о том, как защитить целостность страны и большую территорию от внешней угрозы. Задачи преодоления природных неудобств были выполнимы лишь путем жесткой регламентирующей деятельности центральной власти, которая могла мобилизовать все ресурсы. Вынужденная приверженность идеям сильной централизованной власти и коллективного выживания, естественно, не способствовала формированию представлений о достоинстве личности и ее правах.

Неблагоприятные природные условия были и одной из существенных причин отставания от Запада в темпах экономического роста и промышленного развития, т. к. европейские страны, расположенные на более эффективных в сельскохозяйственном отношении территориях, тратили гораздо меньше сил и средств на жизнеобеспечение своих граждан.

В России в течение многих веков преобладало сельское население, среди которого был очень невысокий процент грамотности. Лишь в 1897 году процент городских жителей вырос до 13,25%. Для сравнения отметим, что в Англии накануне XX века горожане составляли 75% населения, а во Франции — 41%. Говорить о формировании политической культуры участия в российской деревне, конечно, не приходится.

Конечно, под совершенно очевидным воздействием православного миропонимания в менталитете русского человека укоренились идеалы добра, жертвенного служения ближнему и выполнения нравственного долга. Н.О.Лосский писал, что наиболее глубокой чертой характера русского народа является искание абсолютного добра²⁶. С исканием абсолютного добра связан повышенный интерес к социальной справедливости.

Однако христианские представления о власти в России оказались сильно искажены. Точнее сказать, они весьма произвольно адаптировались к местным реалиям. Из Византии вместе с православием были перенесены некоторые культурные эталоны, доктрины и определенные ритуалы, так или иначе связанные с концепциями власти. Но русские ориентировались не на реально существующую традицию, а на свое представление о ней. Неудивительно, что византийская легитимирующая модель в русском контексте существенным образом видоизменяется. В России появляется представление об особой харизме царя, которое определяет специфику русской светской власти. После возведения на царский престол Ивана IV необходимым компонентом поставления на царство оказывается помазание. Составители этого русского чина исходили из уже сложившейся византийской традиции, но при этом не располагали описанием того,

²⁶ Лосский Н.О. Характер русского народа. В кн.: Лосский Н.О. Уловия абсолютного добра. Основы этики. Характер русского народа. М., 1991. С. 240.

как именно совершался данный обряд в Константинополе. Поэтому они воспользовались церковным таинством миропомазания, который в Византии для этих целей никогда не использовался. Так возникло представление о специфическом сакральном статусе верховного правителя. Наличие у царя особой харизмы — харизмы власти, которая совершается именно через миропомазание, специально подчеркивалось. В сознании средневекового человека миропомазание означало, что царь обретает качественно новый статус — отличный от статуса всех остальных людей, что ему сообщаются особенные высшие дары управления государством. Так в России происходит достаточно сильное отклонение от византийского образца. Причем, наблюдается не влияние православия на политическую культуру, а приспособление православия к культурным и политическим реалиям.

VIII

Как было показано выше, христианские начала лежат в основе современного западного общества. Защита свободы, независимости и достоинства личности, защита основных свобод: слова, собраний, религии, собственности — все это базируется на убеждении о том, что все люди обладают богоданными естественными правами. Приведенные выше особенности христианской религии в равной степени присущи и православию. В каждой религии имеются главные, существенные компоненты, а есть вещи второстепенные, переходящие, обусловленные тем или иным социокультурным влиянием. К последним и следует отнести антидемократические черты православной культуры. Любая значимая религиозная культура несет в себе какие-то элементы, совместимые с демократией, также как откровенно недемократические элементы. Все зависит от того, какие акценты мы делаем, что считаем нормой, а что отклонением. Если проанализировать устройство и управление Русской православной церкви, надо сказать, что, несмотря на строгую иерархическую структуру, ей присущ значительный демократизм. На Поместном соборе — высшем органе церковного управления — избирается Патриарх, решения принимаются большинством голосов. Органом управления епархией является епархиальное собрание и выбираемый на нем совет, состоящие из клира и мирян. И, наконец, на самом низу находится приход — община православных христиан, добровольно объединяющихся при храме, которые образуют приходской совет и приходское собрание.

Истории православных государств совсем не чужды были многие элементы демократии. В частности, хотя в Византии не было конституции в том виде, как она существует сегодня во многих странах, однако ученые полагают, что вполне можно говорить о наличии в Византии «неписанной конституции». Имелся целый комплекс пи-

²⁷ См. об этом в книге: Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 30–42.

санных и неписанных представлений и обычаев, определявших общественное и государственное устройство империи, принципы деятельности государственной власти, провозглашение и смещение императора, функции сената, системы народного представительства и многое другое²⁷. Известно, что Византия унаследовала римскую традицию выборности императора, для этой страны характерна высокая социальная мобильность – история знает множество примеров восхождения на вершину власти выходцев «из ниоткуда». Практика выборности императоров приводила к тому, что выдающиеся политические деятели, успешно в течение многих лет правившие страной, восходили на трон с крестьянского двора. Некоторым из них удавалось основать династию, взводя в царское достоинство своих наследников, но закона о престолонаследии в Византии никогда не было. Источники всякий раз при описании провозглашения императора подчеркивают, что все это совершается по установленному порядку, в соответствии с обычаем.

Становление гражданского общества в России связано с введением института земства и правовыми реформами 1864 года, когда к управлению страной стала широко привлекаться общественность. Органы земского самоуправления давали обществу большую самостоятельность и явились одной из форм децентрализации власти. Земство основывалось, по сути, на тех же принципах, что и конституционный строй, возникнув в результате свободных, хотя и ограниченных (имущественно и сословно) выборов. Эти органы управления формировались на основе выборов. Губернским и уездным земским учреждениям предоставлялось право взимать с населения специальные сборы. Полученные средства шли на осуществление их деятельности, включающей устройство и поддержание дорог, обеспечение «народного продовольствия», благотворительность и построении церквей, страхование имущества, развитие торговли и промышленности, народное образование и здравоохранение, доставке почты по деревням, представление правительству сведений о «местных пользах и нуждах» и многое другое. В основу органов земского самоуправления легла концепция противопоставления общества государству, следствием которой было убеждение, что вмешательство государства в общественную сферу является нездоровым явлением, а потому общественные проблемы должны решаться силами общества, но не бюрократией.

Очевидно, что семья, община, всевозможные ассоциации, с присущими им самостоятельностью решений и действий, существуют с момента возникновения человеческой цивилизации. Для каждого исторического этапа существует своя мера развития гражданской сферы, ее структура и базовые элементы, определяемые существующими степенями свободы. Во многих странах одним из самых низких уровней политической самоорганизации был церковный приход, на котором в первую очередь сосредотачивалась местная жизнь. В Рос-

сии человек осознавал себя членом общества в качестве члена конкретной общины, «мира». С точки зрения церковной, община – это приход. На деревне поземельная община и приход совпадали. «Если строилась новая церковь, приход разделялся, но автоматически разделялась и волость. Дела поземельной общины (волости) и прихода никак не разграничивались»²⁸. Российская община была самоуправляемой, обладала весьма значительной самостоятельностью. В общине сохранялись нормы быта и морали, она выполняла целый ряд административных и культурных функций. На сходках общины решались земельные вопросы, касающиеся пашен, пастбищ и лугов, раскладка повинностей (т. е. налогообложение), приселение новых членов общины, выбор других должностных лиц, определение условий пользования лесом, сдача в аренду угодий и т. п. На мирских сходках решались также религиозные и нравственные вопросы. В рамках общины обеспечивалась совокупность основных житейских потребностей людей, осуществлялась первоначальная социализация личности.

Социокультурная жизнь до начала XX в. в значительной степени определялась религиозными традициями. Конфессиональная идентичность являлась важной чертой общественного сознания²⁹. В городах большую роль играли различные православные сообщества. Это были добровольные, самоорганизующиеся и самоуправляемые ассоциации верующих. До начала XVIII в. административной, финансово-податной территориальной единицей также являлся церковный приход. В его рамках осуществлялась социальная помощь. Состав приходов отличался всесословностью (военные, статские, купцы, мещане и пр.) В рамках прихода велась благотворительность, которая подразумевала не только социальную помощь, но и любое благое дело (строительство и поддержка приютов и т. д.). Общине собрания состояли из всех прихожан. Каждый участвующий в собрании имел один голос. Дела на собрании решались большинством голосов, с последующим составлением «приговоров». Были широко распространены епархиальные братства, ставившие целью утверждение «христианской нравственности и просвещения народного». Братства помогали училищному совету в деле школьного образования, поддерживали культурно-просветительные и благотворительные учреждения, имели книжные склады и лавки, создавали библиотеки и читальни, устраивали просветительские чтения, лекции, духовные концерты, помогали беднейшим прихожанам. В состав братства могли входить лица обоюго пола, всякого звания и состояния. Делами братства заведовало общее собрание членов и совет братства. Исследователи приходят к выводу, что «религиозные общества создавались и функционировали как ростки гражданского общества, будучи, в известной степени, самоуправляющимися институтами»³⁰.

Таким образом, многие базовые нормы и принципы демократического режима достаточно укоренены в православной культуре и

²⁸ Лурье С. В. *Община, империя, православие в русской этнической картине мира XV–XVII веков // Отечественные записки. № 1. 2001. С. 105–115.*

²⁹ Анкаримова Е. Ю. *Конфессиональная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. В кн.: Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XX в.: Очерки. Екатеринбург, 2002. С. 80.*

³⁰ Там же. С. 107–108.

истории православных государств. Нет никаких оснований утверждать, что для православной традиции принципиально неприемлемы гражданское общество, конституционный порядок, права и свобода человека. Неприятие демократии в некоторой части общества кроется в том, что в 90-х годах при демократическом транзите национальные ценности и нормы традиционной культуры оказались вытеснены. Стабильность демократических институтов во многом зависит от того, насколько демократия будет гарантировать гражданам возможность духовного развития в соответствии с их убеждениями.

Основная проблема построения демократического общества не в том, чтобы провозгласить определенные, соответствующие демократии принципы или нормы, а в том, чтобы эти нормы и принципы были восприняты обществом и «работали» в его реальной жизни. На Западе демократия давно интегрирована в историю, традиции и обычаи каждого народа, существует с ними в неразрывном единстве. Как и в европейских странах в России нравственные принципы христианской религии могут способствовать возникновению духовных предпосылок демократии, гражданского общества и правовой культуры. От укорененности в обществе христианских ценностей, установок и моделей поведения во многом будет зависеть то, удастся ли нашей стране построить современное общество.